

مجلة وعي للعلوم الإنسانية

Waa Journal for Humanities

ISSN: 3104-9125

E-ISSN:3104-9117

مجلة وعي للعلوم الإنسانية

العدد الثالث / ٢٠٢٦م، الصفحة: ٢٢٧٣-٢٣٠٠

СПЕЦИФИКА ПОЭТИКИ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА (НА ПРИМЕРЕ АНАЛИЗА СТИХОТВОРЕНИЙ А.А. БЛОКА)

السمات المميزة لشاعرية العصر الفضي (تحليل قصائد أ.أ. بلوك أنموذجاً)

م.م. محمد خميس غبن

Мохаммед Хамис Габан

قسم اللغة الروسية، جامعة بغداد، كلية اللغات، العراق، بغداد

Mohammed.k@colang.uobaghdad.edu.iq

**Ключевые
слова**

**Серебряный
век, символизм,
Блок, поэтика,
мистицизм;
мифопоэтика,
ренессанс**

Аннотация

Статья посвящена исследованию поэтики Серебряного века русской литературы на материале творчества А.А. Блока с учётом современного рецептивного контекста, в том числе в арабском мире. Рассматриваются специфика символизма как ключевого направления эпохи и художественные приёмы Блока, отражающие мистицизм, двойственность бытия, музыкальность и мифопоэтические мотивы. В качестве материала привлекаются стихотворения и поэма «Двенадцать», а также циклы «Стихи о Прекрасной Даме», «Страшный мир», «Незнакомка» и другие. Теоретическую основу составляют труды Н.А. Бердяева, М.А. Воскресенской,

В.М. Жирмунского, К.Г. Исупова и др. Методологическая база включает текстовый анализ (аллитерация, ассонанс, ритмика), сравнительный анализ (сопоставление с А. Белым, В. Ивановым, В. Брюсовым), интерпретацию символического подтекста и герменевтический подход. Отдельное внимание уделяется восприятию поэзии Блока в арабском культурном пространстве: рассматривается, какие аспекты его символистской поэтики (мистицизм, апокалиптическое мироощущение, мотивы духовного поиска и «вечного возвращения») оказываются созвучны современной арабской читательской и академической среде и как они соотносятся с арабской поэтической традицией. Показано, что Блок идёт от конкретного факта к символической сущности, что отличает его от других символистов и способствует его актуальности в межкультурном диалоге. Новизна исследования заключается в систематизации поэтических техник Блока, анализе их эволюции в историческом контексте и в постановке вопроса о рецепции его творчества в арабском мире как особой форме межлитературного взаимодействия.

الملخص:

الكلمات المفتاحية

هذا البحث مخصص لدراسة شاعرية العصر الفضي في الأدب الروسي من خلال أعمال أ. ب. بلوك، مع مراعاة السياق المعاصر لتقبله، بما في ذلك في العالم العربي. كما يتناول البحث السمات المميزة للرمزية بوصفها اتجاهاً رئيساً في تلك الحقبة، والأساليب الفنية التي استخدمها بلوك، والتي تعكس التصوف، وازدواجية الوجود، والموسيقية، والدوافع الشعرية الأسطورية. وتشمل المادة قصائد، وملحمة "الاثنا عشر"، بالإضافة إلى مجموعات "أشعار عن السيدة الجميلة"، و"العالم الفظيع"، و"الغريبة"، وغيرها. أما الأساس النظري، فيستند إلى أعمال ن. أ. بيرديايف، وم. أ. فوسكريسينسكايا، وف. م. جيرمونسكي، وك. ج. إيسوبوف، وآخرين. ويشمل

الإطار المنهجي التحليل النصي (الجناس الاستهلاكي، والسجع، والإيقاع)، وكذلك التحليل المقارن (المقارنة مع أ. بيلي، وف. إيفانوف، وف. بريوسوف)، وتفسير المعنى الخفي الرمزي، والمنهج التأويلي. ويولي البحث اهتماماً خاصاً بتصوير شعر بلوك في الوسط الثقافي العربي، إذ يتناول الجوانب التي تتوافق مع شاعريته الرمزية (التصوف، والنظرة المربعة للعالم، ودوافع البحث الروحي و"العودة الأبدية") التي تلقى صدىً لدى القراء والأكاديميين العرب المعاصرين، وكيفية ارتباطها بالتراث الشعري العربي. ويبين البحث أن بلوك ينطلق من الواقع الملموس إلى الجوهر الرمزي، مما يميزه عن غيره من الرمزيين، ويسهم في أهميته في الحوار بين الثقافات. وتكمن الحدأة العلمية لهذا البحث في تنظيم أساليب بلوك الشعرية، وتحليل تطورها في السياق التاريخي، وطرح مسألة اقبل أعماله في العالم العربي كشكل خاص من أشكال التفاعل الأدبي.

1. Введение

Конец XIX – начало XX века в России был периодом интенсивных социокультурных трансформаций, повлекших за собой существенные изменения в художественном сознании. Этот исторический этап, известный как Серебряный век, характеризуется поисками новых форм художественной репрезентации и стремлением к философскому осмыслению реальности. В научной литературе данный период рассматривается как уникальное культурное явление, отличающееся идейным многообразием, стилевой полифонией и вниманием к метафизическим вопросам человеческого существования [Воскресенская, М. А., 2020, с. 14]. В центре художественной эволюции эпохи стоит творчество Александра Александровича Блока, воплотившего внутренние противоречия и эстетическую напряжённость модернистского мироощущения [Бердяев, Н. А., 1991, с. 217–218].

В условиях смены культурных парадигм возникает широкая палитра литературных направлений – символизм, акмеизм, футуризм – каждое из которых раскрывает новый взгляд на художественную реальность. Символизм, ставший ведущим движением начала XX века, формирует основу поэтики эпохи и выступает как особый способ философского и духовного переживания мира. Именно в рамках символистского мировоззрения формируется индивидуальная поэтическая система Блока,

эволюция которой отражает как ценносную динамику эпохи, так и воздействие исторических процессов – от Революции 1905 года до Первой мировой войны.

Актуальность исследования обусловлена не только необходимостью углублённого анализа механизмов поэтического выражения Блока, но и растущим интересом к его творчеству за пределами российской культурной традиции, в частности в странах арабского мира. В арабском интеллектуальном контексте русская поэзия Серебряного века воспринимается как созвучная собственным модернистским поискам середины XX – начала XXI века. Арабская литературная среда проявляет особое внимание к символистским стратегиям, мистическому измерению поэтического образа и философии кризиса, что делает Блока одним из наиболее цитируемых и изучаемых русских поэтов модернизма в арабской филологии. Исследователи отмечают, что такие элементы его поэтики, как мистицизм, ощущение исторической катастрофы, мотивы обновления и образ пути, оказываются глубоко созвучны культурным кодам Ближнего Востока, где традиционно сильны представления о цикличности времени, сакральном метафоризме и духовной трансформации личности.

Несмотря на существование значительного количества исследований, посвящённых русскому символизму и творчеству Блока, вопрос о транснациональной и межкультурной рецепции его поэтики остаётся недостаточно разработанным. Особенно мало изучены механизмы восприятия Блока в арабской академической традиции, где его творчество часто рассматривается в контексте сопоставления русской и арабской модернистской поэзии и её символического языка. Таким образом, включение арабского культурного измерения позволяет расширить исследовательские рамки и выявить новые аспекты универсальности и межкультурной значимости поэзии Блока.

Цель настоящей статьи состоит в выявлении особенностей поэтики А. А. Блока на материале его лирических и программных произведений, включая поэму «Двенадцать», а также в рассмотрении потенциала этих поэтических структур в контексте их восприятия в арабском литературном

пространстве. В рамках исследования предполагается систематизировать ключевые художественные приёмы Блока, проследить их эволюцию в связи с историко-культурными сдвигами и определить факторы, обеспечившие его поэзии межкультурную устойчивость и востребованность.

Научная новизна работы заключается в следующем:

- предлагается новая типология поэтических приёмов, доминирующих в позднем творчестве Блока;
- проводится сопоставительный анализ его поэтики с поэтиками других символистов;
- впервые рассматривается вопрос о рецепции Блока в арабском мире как части глобального литературного диалога;
- анализируется влияние революционных событий на трансформацию семантики его художественных образов и на их интерпретацию в иной культурной среде.

2. Обзор материалов и методов исследования

Материалом исследования являются произведения Александра Блока, репрезентативные для различных этапов его творческой эволюции: ранний цикл «Стихи о Прекрасной Даме» (1901–1902), лирика периода кризиса («Незнакомка», 1906; цикл «Страшный мир», 1909–1916), а также программные тексты позднего периода – поэма «Двенадцать» (1918) и стихотворение «Скифы» (1918). Эти произведения отобраны на основании их ключевой роли в отражении трансформации поэтики Блока в рамках изменения идейных и культурных доминант Серебряного века.

Теоретическая основа исследования строится на совмещении поэтического анализа, интерпретации символических структур и культурно-исторического подхода. Центральной категорией анализа выступает символ как форма художественного мышления, в трактовке М. М. Бахтина, определяющего символ как «знаменующий реальную сущность вещи». Также используются философские идеи Вл. Соловьёва (концепция всеединства как метафизическая основа символизма) и

мифопоэтические подходы А. Ф. Лосева, позволяющие рассматривать поэтический текст как систему со сложной мифологической семантикой.

Методологически работа опирается на:

- текстовый анализ (идентификация и интерпретация приёмов – аллитерации, ассонанса, метрических вариаций, синтаксических инверсий);
- сравнительный анализ (сопоставление образной системы Блока с другими представителями символизма – Брюсовым, Бальмонтом, Белым);
- герменевтический метод, опирающийся на идеи Г. Гадамера и М. Бахтина, позволяющий включить текст в широкий культурно-исторический контекст;
- интерпретацию поэтической семантики, направленную на реконструкцию внутренней логики символической системы Блока.

Обзор существующей литературы демонстрирует, что творчество Блока активно исследуется в русле философской и эстетической интерпретации. Так, в трудах В. М. Жирмунского подчёркивается изошрённость метафорической системы Блока и её связь с музыкальностью символистской поэтики. М. А. Воскресенская акцентирует внимание на антропологическом измерении поэзии Блока, выделяя мотивы женственности и сакрального образа. К. Г. Исупов и Н. П. Крохина анализируют символические конструкции в контексте религиозной философии.

Однако в указанных исследованиях недостаточно раскрыта динамика поэтической системы Блока в контексте социально-исторических катаклизмов начала XX века. Так, влияние Русско-японской войны, Революции 1905 года, Первой мировой войны и особенно Октябрьской революции на структуру символов, ритмику и интонацию в позднем творчестве Блока остаётся фрагментарно освещённым. Настоящее исследование восполняет этот лакунарный аспект, ставя своей задачей выявление корреляции между историческим событием и поэтической реакцией на него.

Таким образом, научная новизна статьи заключается не только в интерпретации отдельных произведений, но и в выстраивании сквозного анализа трансформации поэтики Блока через призму исторического сознания и культурной травмы.

3. Результаты и обсуждение

Символизм является фундаментом эстетической системы Серебряного века и ключом к пониманию творчества Александра Блока, чьё восприятие в арабском мире в значительной степени определяется именно принадлежностью поэта к данному направлению. Как отмечают исследователи русской литературы, символизм сформировался на рубеже XIX–XX веков как реакция на кризис реалистического искусства и как попытка художественно выразить трансцендентные смыслы бытия, недоступные прямому изображению [Воскресенская, М. А., 2005, с. 108–150]. Его мировоззренческая база сочетала элементы мистицизма, философии всеединства Вл. Соловьёва, интуитивизма и эстетики музыкальности слова, что определило структуру символистской поэтики и её универсальную притягательность для восточных культур.

Определение символа как ключевой художественной единицы символизма дано в работах М. М. Бахтина, который рассматривал символ как «знаменующий сущностную глубину явления» [Бахтин, М. М., 1986, с. 375]. В русской поэзии начала века символизм стал не просто литературной школой, а своеобразным мировоззрением, основанным на идее скрытого порядка мира, проявляющегося через символическую образность. Д. С. Мережковский в программной лекции «О причинах упадка русской литературы» сформулировал три кита нового искусства – мистическое содержание, символ и расширенную впечатлительность художника [Мережковский Д. С., 1914, с. 217–218]. Эти принципы определили дальнейшее развитие поэтики Блока и сделали его творчество особенно созвучным арабской традиции, в которой символическое слово и религиозно-мистическое содержание занимают центральное место.

Арабские исследователи, обращаясь к русской литературе, часто проводят параллели между символизмом и классической восточной лирикой – суфийской, философской, пророческой. В работах Х. А. Х. Бахари и Х. Исмаила подчёркивается, что символ и метафора в русской поэзии модерна во многом функционально совпадают с поэтическими механизмами Ближнего Востока, где образность служит проводником скрытых духовных смыслов [Бахари А. Х, Исмаил Х., 2021]. Именно поэтому Блок воспринимается в арабском мире как продолжатель традиции мистико-философского художественного мышления, а не просто как представитель европейского модернизма.

Особенно значимым для арабских интерпретаций оказывается символистское учение о всеединстве и Софии, сформированное под влиянием философии Вл. Соловьёва. Образ Софии – Вечной Женственности – в арабской традиции интерпретируется через собственные культурные концепты, включая фигуры божественной мудрости, идеальной возлюбленной и медиатора между земным и божественным измерениями. Этот символ становится одним из центральных при анализе «Стихов о Прекрасной Даме» Блока, где соединяются религиозное, эстетическое и мистическое начала. Подобная структура восприятия роднит Блока с восточными поэтами, у которых духовная красота и женский образ также часто выступают эмблемами высшего знания.

Символистская поэтика, основанная на музыкальности и ритмических инновациях, также становится объектом внимания арабских исследователей. Вслед за Жирмунским, подчёркивающим роль звуковой организации в символистском стихе [Жирмунский В. М, 1999, с. 222–249], арабские филологи рассматривают Блока как поэта, создающего «слуховую атмосферу», благоприятную для перевода и интерпретации. В арабской поэтике, где ритм имеет сакральные функции, эта особенность Блока воспринимается как знак «внутренней музыкальности смысла» – концепта, характерного также для восточной поэзии.

Восточная рецепция русских символистов нередко указывает на их стремление к мифологическому мышлению. А. Белый, для которого слово становилось первоэлементом мифа [Белый А, 1994], и Вяч. Иванов, превращавший текст в систему религиозных знаков [Иванов Вяч, 1974], предстают перед арабским читателем как поэты-мистики. Однако именно Блок – благодаря большему вниманию к реальности и эмоциональной непосредственности – воспринимается в арабском мире как наиболее «универсальный» и близкий по духу символист [Исупов К. Г., 1991, с. 4–5].

Символизм как культурно-эстетическая основа Серебряного века создаёт тот аналитический контекст, в котором арабская филологическая традиция осмысляет творчество Блока. Символ в его поэзии становится не только художественным приёмом, но и формой межкультурного диалога, позволяющей интерпретировать русскую поэтическую традицию через призму восточного мистицизма, религиозной образности и философии духовного опыта.

Александр Блок занимает особое место в литературе Серебряного века, воплощая в своём творчестве то «катастрофическое чувство жизни» и «апокалиптическое мироощущение эпохи», о которых пишет Н. П. Крохина [Крохина Н. П., 2011, с. 26]. По мнению В. М. Жирмунского, именно Блок достиг наивысшей точки в развитии русской символистской поэзии, утончённо используя метафору и символ как инструменты художественного преобразования реальности [Жирмунский В. М., 1928, с. 250]. Воскресенская справедливо утверждает, что творчество Блока «ставит символическую точку в истории Серебряного века» [Воскресенская, 2005: 150].

Поэт находился под влиянием философии Вл. Соловьёва, музыки Р. Вагнера, идей Ф. Ницше, а также поэзии Брюсова и Вяч. Иванова, однако его художественная система была глубоко самобытной [Аверин Б. В., 1987, с. 89]. В. Ходасевич характеризовал Блока как «медиумичного поэта» с «тончайшим слухом», что определило особую магическую интонацию его лирики [Ходасевич В., 1996, с. 216]. Сам Блок отмечал:

«Прямая обязанность художника – показывать, а не доказывать» [Блок А. А., 1962, с. 425], подчеркивая интуитивную природу поэтического прозрения.

Одним из ключевых этапов его раннего творчества стал цикл «Ante Lucem» и «Стихи о Прекрасной Даме» (1904), где образ Вечной Женственности, или Софии, переосмысливается как символ духовной гармонии, красоты и трансцендентного идеала. «Сама судьба мне завещала / С благоговением святым / Светить в преддверьи Идеала / Туманным факелом своим» – эти строки [Блок А. А., 1997, с. 21] отражают устремлённость поэта к «высокому», к архетипу совершенной красоты. Крохина отмечает, что Блок «вводит в русскую литературу тему Софии, подверженной катастрофам и падениям», соединяя её с образами Родины, Богородицы и музыки сфер [Крохина Н. П., 2011, с. 26–27].

Эволюция поэтики Блока связана с постепенным отходом от мистико-идеалистических мотивов к осознанию трагической реальности. Н. П. Деменкова указывает на его «обострённую чуткость к архетипической основе мифологических комплексов и редкую способность синтезировать мифопоэтические структуры в лирической образности» [Деменкова Н. П., 2007, с. 9]. Трагические предчувствия особенно ярко проявляются в циклах «Ночные часы», «Пляски смерти», «Опять на Родине». В знаменитом стихотворении «Ночь, улица, фонарь, аптека...» лирический герой сталкивается с ощущением замкнутого, бесконечно повторяющегося времени:

*Ночь, улица, фонарь, аптека,
Бессмысленный и тусклый свет.
Живи ещё хоть четверть века –
Всё будет так. Исхода нет.* [Блок А. А., 1997, с. 23]

Для Блока характерно соединение индивидуальной трагедийности с мотивами культурной памяти и метафизики. Его лирический герой существует на границе времён, ощущая себя одновременно свидетелем и жертвой истории:

Как тяжело ходить среди людей

И притворяться непогибшим,

И об игре трагической страстей

Повествовать ещё не жившим. [Блок А. А., 1960–1963, с. 21]

В критических статьях Блок неоднократно возвращался к теме народного начала, ритуала, заклинания. В статье «Поэзия заговоров и заклинаний» (1906) он писал: «Народная поэзия ничему в мире не чужда... Когда человек приобщается стихии любви, его заклинание становится поэмой тоски и страсти» [Блок А. А., 1962, с. 52]. Это стремление соединить личное с коллективным, частное с универсальным отразилось в его зрелой поэзии.

По словам Жирмунского, поэзия Блока обладает «таинственным двойным смыслом, мистическим фоном, углубляющим каждое положение и создающим бесконечную перспективу» [Жирмунский В. М., 1996, с. 230]. Концепт «двойственности» и «нераздельности, но неслиянности» (Соловьёв) проявляется в его поэтике как ощущение постоянного разрыва между идеальным и реальным.

Особое внимание Блок уделяет теме памяти, которую он связывает с бессмертием. Мотивы метемпсихоза и «воспоминаний прежней жизни» («Душа воротится назад...») отражают философскую установку поэта на возвращение к глубинным архетипам. Исупов отмечает, что Блок идет «от существования к сущности», противопоставляя этот путь многим другим символистам, строившим поэтику от идеи к факту [Исупов К. Г., 1991, с. 4–5].

Эволюция поэтики Блока представляет собой движение от мистической утопии к трагической интуиции истории. Его лирика соединяет мифопоэтическую символику, музыкальную организацию текста и философское осмысление судьбы человека, что позволяет рассматривать его творчество как синтез художественного и метафизического поиска Серебряного века.

Поэтическая эволюция Александра Блока неразрывно связана с историческим контекстом, в котором развивалось его творчество. События Русско-японской войны (1904–1905), Революции 1905 года, Первой

мировой войны (1914–1918) и Октябрьской революции (1917) стали не только внешним фоном, но и факторами глубокой трансформации его поэтики – от мистического символизма к трагическому историческому видению.

Уже в ранних циклах, таких как «Стихи о Прекрасной Даме» (1901–1902), наблюдается стремление к выражению идеи преобразования мира через красоту. Этот этап творчества Блока тесно связан с философией Вл. Соловьёва, в особенности с образом Софии – Вечной Женственности, воплощающей гармонию, идеал и высшую истину. Мистическая устремлённость поэта выражена, например, в строках:

*Я жду призыва, ищу ответа,
Немеет небо, земля в молчаньи,
За желтой нивой – далёко где-то –
На миг проснулось мое воззванье.* [Блок А. А., 1960–1963, с. 67]

Однако Революция 1905 года обозначила первый значительный поворот в поэтическом мироощущении Блока. В его поэзию входит тема социальной напряженности, появляется образ «разрыва» между идеалом и реальностью. Так, в стихотворении «Фабрика» (1903) он вводит индустриальный пейзаж как символ угнетения и отчуждения:

*В соседнем доме окна жёлты.
По вечерам – по вечерам
Скрипят задумчивые болты,
Подходят люди к воротам.* [Блок А. А., 1960–1963, с. 302]

Здесь социальная реальность получает символическое обрамление, что свидетельствует о стремлении поэта сохранить символистскую модель мира, адаптируя её к изменившимся условиям.

Первая мировая война усилила трагическое и экзистенциальное измерение поэзии Блока. Цикл «Страшный мир» (1909–1916) представляет человека как уязвимое и потерянное существо, оторванное от сакрального центра. Механизмы войны, урбанистическое отчуждение и духовный кризис становятся главными темами. Примером может служить следующая строфа:

Жизнь пустынна, бездомна, бездонна,

Да, я в это поверил с тех пор,

Как пропел мне сиреной влюблённой

Тот, сквозь ночь пролетевший, мотор. [Блок А. А., 1960–1963, с. 15]

Военный апокалипсис, отражённый через урбанистические и технологические образы, подрывает прежнюю романтическую интонацию. Поэзия Блока теряет гармонический строй и становится более фрагментарной и остро ритмизованной, что также находит подтверждение в изменении его поэтической формы.

Кульминацией этой трансформации становится поэма «Двенадцать» (1918), написанная сразу после Октябрьской революции. В этом произведении Блок, оставаясь в рамках символистской парадигмы, радикально пересматривает её основы. Он вводит в текст социальную и политическую реальность – улицы Петрограда, хаос, убийство, распад – и одновременно сохраняет идею сакрального смысла происходящего. Фигура Христа, ведущего красногвардейцев, воплощает в себе двойственность апокалипсиса и обновления.

Как отмечает Х. Исмаил, «поэты-модернисты всех направлений пытались создать поэзию, призванную содействовать духовному развитию человека» (Исмаил Х., 2021, с. 40). Для Блока этот путь духовного развития оказался сопряжён с признанием боли и разрушения как неотъемлемых элементов исторического процесса. Современные интерпретаторы поэмы «Двенадцать» справедливо подчеркивают её полифоничность, многослойность и трагическое видение истории, переключаясь с мыслью Габана М. Х.: «Ценность жизни, как правило, человек начинает ощущать вследствие каких-либо глобальных кризисов, которые, в свою очередь, через боль заставляют человека понять его смертность и уязвимость в этом мире» [Габан М. Х., 2025, с. 209].

Поэтика Блока на этом этапе объединяет в себе элементы пророчества, политической метафоры и религиозной аллегории. В этом смысле он выходит за пределы «чистого символизма» и демонстрирует способность

поэтического слова откликаться на исторический вызов, преобразуя художественные средства в инструмент культурного осмысления эпохи.

Поэма Александра Блока «Двенадцать» (1918) занимает исключительное место в истории русской литературы Серебряного века и одновременно является ключевым произведением, определяющим восприятие поэта в арабском мире. Этот текст, написанный в период глубочайшего исторического кризиса, представляет собой художественный синтез символистской традиции, религиозной образности и социально-политической реальности. Именно эта многослойность делает «Двенадцать» близкой культуральным и эстетическим моделям Ближнего Востока, где поэтическое слово традиционно выполняет не только эстетическую, но и пророческую, этическую и философскую функции.

Арабские литературоведы отмечают, что «Двенадцать» является уникальным примером того, как символистская поэтика может быть трансформирована под влиянием исторических потрясений и при этом сохранять свою внутреннюю духовную структуру [Бахари, Исмаил, 2021]. В русской филологии давно устоялось мнение, что в этой поэме реализуется «апокалиптическое мироощущение» Блока, выражающееся в соединении хаоса революционной стихии и религиозной идеи возрождения [Жирмунский В. М., 1928; Воскресенская М. А., 2005]. Однако в арабской традиции исследователи склонны рассматривать «Двенадцать» прежде всего как духовно-мистический текст, в котором революционное событие осмысляется через архетипы пророчества, пути и очищения.

Большинство арабских филологов подчеркивают, что интерес к «Двенадцати» связан не только с глобальной значимостью русского модернизма, но и с тем, что поэма отражает универсальный опыт общества, переживающего резкую смену политического строя, насилие и духовный раскол. В арабской истории подобные периоды – революции, войны, религиозные трансформации – также сопровождались попытками осмысления катастрофы через поэтическую символику. Поэтому

«Двенадцать» воспринимается как текст, способный говорить на языке коллективного опыта, знакомого ближневосточному читателю.

В этой связи арабские исследователи отмечают, что Блок, в отличие от многих европейских модернистов, не избегает конкретной исторической реальности. Он включает в структуру поэмы образы городских улиц, снега, насилия, распада социальных норм – элементы, которые в арабской литературе часто сопоставляются с поэтическим изображением политического и духовного хаоса [Исмаил, Х., 2021]. При этом именно способность Блока соединять конкретику и символическую глубину делает его поэму созвучной классическим ближневосточным жанрам – от пророческой поэзии джахилии до суфийских трактатов о разрушении и обновлении.

Одним из центральных структурных элементов поэмы является мотив пути – двенадцать красногвардейцев движутся вперед сквозь метель, и это движение является как физическим, так и символическим актом. В арабской поэтике образ пути традиционно связан с духовным поиском, очистительным странствием, переходом из одного состояния в другое. Именно поэтому арабские исследователи, обращаясь к «Двенадцати», видят в движении героев не только революционную поступь, но и архетипический путь души, сталкивающейся с хаосом и устремляющейся к высшему смыслу.

Некоторые арабские комментаторы, в частности Хадиил Исмаил, проводят параллели между структурой пути в «Двенадцати» и мотивом «сайр ва сулук» в суфийской традиции – путём духовного странствия, ведущего от земной тьмы к божественному свету (Бахари Х. А., Исмаил Х., 2021). Конечно, Блок не опирался на исламскую мистику, но сама структура движения, имеющая ритмическую, музыкальную и символическую природу, оказывается удивительно созвучной восточным моделям духовного перехода.

Особое место в рецепции поэмы занимает финальный образ Христа, идущего впереди двенадцати, «в белом венчике из роз». Русская критика интерпретировала этот образ по-разному – от «символа обновления»

[Чуковский К. И., 2001] до «парадоксальной попытки соединить революцию и христианство» [Эйхенбаум, Б. М., 1924]. Для арабского читателя фигура Христа является одновременно знаком «чужой» христианской традиции и универсальным символом пророчества, милосердия и жертвенности, понятным в межрелигиозном диалоге.

Интересно, что арабские исследования нередко склоняются к интерпретации Христа как «водящего Двенадцать через бурю истории» – в большей степени как метафизического архетипа, чем как христианского персонажа. В этом смысле арабская рецепция удивительно совпадает с мыслью Блока: поэт писал, что он «не проповедует», но «констатирует духовный факт» [Блок А. А., 1960–1963, с. 330]. Для арабского читателя, привыкшего к многозначности религиозных образов, подобная интерпретация оказывается естественной: Христос в «Двенадцати» – не фигура догмы, а фигура смысла, ведущая через разрушение.

Арабские литературоведы уделяют особое внимание тому, что поэма соединяет элементы реализма и символизма. Урбанистический хаос, насилие, убийство Катки – всё это воспринимается как необходимая часть символической системы текста. В арабской критике существует устойчивое внимание к тому, каким образом насилие в литературе служит знаменем духовной болезни общества и его стремления к преображению. В этом смысле «Двенадцать» вписывается в знакомую ближневосточную традицию трактовки разрушения как фазы космического кругооборота.

Бахтиновская идея о символе как «сущностном выражении реальности» (Бахтин М. М., 1986) становится здесь особенно актуальной. Арабская рецепция подчеркивает, что революция у Блока – не политическое событие, а метафизический знак эпохи, аналогичный пророческим образам в поэзии Востока. Тем самым поэма становится не столько политическим текстом, сколько универсальной аллегорией исторического движения человеческой цивилизации.

Поэма «Двенадцать» в арабском мире воспринимается как произведение, открывающее новые горизонты для диалога между русской и ближневосточной литературой. Её апокалиптическая образность, баланс

хаоса и сакрального, соединение реальности и символа делают текст созвучным культурному опыту Востока, а фигура поэта, стремящегося «услышать музыку истории», оказывается близкой арабским концепциям поэта-пророка.

«Двенадцать» в арабской рецепции предстает не как «революционная поэма», а как глубоко духовное произведение, в котором революция – это метафизическое испытание, путь – архетип движения души, а Христос – символ надежды и внутреннего света. Именно подобное многомерное прочтение делает Блока одним из самых значимых русских поэтов в арабской филологической традиции и способствует дальнейшему развитию межкультурных исследований русской литературы.

Актуальность творчества Александра Блока в арабском мире определяется сочетанием нескольких факторов: духовно-философской насыщенности его поэзии, универсальности затрагиваемых тем, близости символистского мироощущения к восточной мистической традиции, а также интересом арабской филологии к русской литературе Серебряного века как к уникальному культурному явлению. Исследования Х. Исмаила (2021), Х. А. Х. Бахари (2021) и других авторов свидетельствуют, что Блок является одним из наиболее востребованных русских поэтов XX века в арабском культурном пространстве, уступая по цитируемости лишь Пушкину, Есенину и Достоевскому, но значительно превосходя других символистов – Белого, Вяч. Иванова, Бальмонта – по популярности среди студентов и исследователей русской филологии арабских стран.

Одним из ключевых факторов актуальности Блока в арабском мире является глубокая мистическая природа его поэтики, построенная на интуитивном восприятии мира, символическом мышлении и поиске скрытой сущности явлений. Как отмечает М. А. Воскресенская, символизм как мировоззрение Серебряного века стремился «организовать хаос в гармонически уравновешенный космос» [Воскресенская М. А., 2005, с. 108]. Эта установка удивительно созвучна восточной традиции, особенно суфизму, где поэтическое слово служит проводником скрытых смыслов и путем духовного восхождения.

Блок, обращаясь к образам Софии, Прекрасной Дамы, Незнакомки, судьбы и пути, оказывается близким читателю, знакомому с поэзией Аль-Мутанабби, Ибн Араби или Омар Хайяма – поэтов, чье творчество также насыщено метафизическими образами и аллегориями. Исследование Бахари и Исмаила (2021) показывает, что арабские филологи воспринимают Блока не только как русского символиста, но и как поэта «духовного поиска», чье творчество может быть прочитано в рамках ближневосточной традиции поэтической пророческой речи.

В поэзии Блока выражено ощущение кризиса культуры, трагической исторической судьбы, апокалиптического предчувствия, что делает его тексты особенно актуальными в арабских странах, часто переживавших революции, войны, распад социального уклада и духовные трансформации. Исупов отмечает, что Блок постоянно стремился «от существования к сущности» [Исупов К. Г., 1991, с. 4–5], превращая исторические события в универсальные символы. Это качество делает его близким читателю, привыкшему видеть в поэзии не просто описание событий, а их метафизическое объяснение.

Поэма «Двенадцать», насыщенная образами разрушения и обновления, воспринимается арабскими исследователями как текст, выражающий универсальную драму общества, переживающего революцию. В работах Исмаила подчеркивается, что Блок «единственный из русских символистов, кто сумел соединить историческую конкретику с религиозно-мистической символикой» [Исмаил Х., 2021, с. 45]. Именно эта способность к двойному видению делает его творчество востребованным в арабской литературной критике.

Важным фактором популярности Блока в арабских странах является его высокая «переводимость». В отличие от многих символистов, чья поэзия опирается на сложные метафизические конструкции (как у Белого или Иванова), Блок сохраняет связь с конкретными образами: городом, дорогой, природой, судьбой человека. Это делает его поэтический язык доступным для перевода на арабский язык, обладающий богатой традицией символической и образной лирики.

Арабские переводчики отмечают ритмическую пластичность блоковских текстов, возможность точной передачи эмоционального фона и символических структур. Исследователь Йованович (1984), анализируя Блоковский мотив «вечного возвращения», подчеркивает универсальность этого концепта – он легко соотносится с арабскими философскими и религиозными моделями цикличности времени.

Арабская критика воспринимает Блока не только как мистического символиста, но и как поэта, глубоко вовлеченного в историческую реальность. Его способность выразить состояние общества на грани катастрофы, показать внутреннюю драму человека в эпоху перемен делает его актуальным для арабских исследователей, интересующихся взаимодействием искусства и политики.

В поэме «Двенадцать» революционная стихия предстаёт как разрушительная и в то же время обновляющая сила. Подобный образ революции вызывает очевидные параллели с политической историей арабских стран XX–XXI веков, включая национально-освободительные движения, военные перевороты и «арабскую весну». Именно поэтому арабские литераторы, рассматривая Блока, часто обращаются к его политическим и социальным текстам, видя в них «универсальную модель культурного и духовного кризиса» [Бахари Х. А., Исмаил Х., 2021, с. 18].

Блок как поэт-мистик вызывает интерес в тех арабских странах, где существует традиция изучения суфийской поэзии, особенно Ираке, Египте, Сирии и Ливане. Его поэтическая модель мира – дуальная, построенная на противопоставлении света и тьмы, хаоса и гармонии, пути и заблуждения – легко соотносится с концепциями исламской мистики. В этом контексте фигура Христа в «Двенадцати» интерпретируется не как христианский догматический образ, а как архетип «духовного водителя», что делает поэму доступной читателю вне конфессионального контекста.

По данным арабских филологических факультетов (Багдад, Каир, Амман, Александрия), Блок является обязательным автором курсов по русской литературе XX века. Это связано с тем, что его поэзия:

– сочетает мистическое и социальное;

- иллюстрирует переход от символизма к исторической поэтике;
- представляет феномен русской революционной культуры;
- позволяет обсуждать вопросы межкультурной коммуникации.

Преподаватели подчёркивают, что анализ Блока развивает у студентов способность трактовать символ как многоуровневое явление, что особенно важно в арабской филологической школе, традиционно ориентированной на глубокий текстовый анализ (тафсир).

Наконец, актуальность Блока связана с его ролью посредника между русской и арабской культурами. Он воспринимается как поэт, способный выразить универсальные архетипы: путь, страдание, преображение, судьбу, духовный поиск. В этом аспекте Блок оказывается ближе арабскому читателю, чем многие представители русского модернизма, чьё творчество слишком тесно связано с западной философской традицией.

4. Заключение

Проведённое исследование позволяет утверждать, что творчество Александра Александровича Блока занимает значимое место в культурном и научном пространстве арабского мира, формируя особый вектор межкультурного диалога между русской и ближневосточной литературными традициями. Рассмотрение поэтики Блока через призму арабской рецепции демонстрирует, что его духовно-философская лирика, насыщенная символами, архетипами и мистическими интонациями, оказывается глубоко созвучной поэтическому и интеллектуальному опыту Востока. Это объясняется не только универсальностью тем, затрагиваемых поэтом, но и особенностями символистского мироощущения, близкого по своей структуре к суфийской и метафизической традиции арабской литературы.

Символизм, являющийся основой поэтики Блока, воспринимается арабскими исследователями как художественный метод, неразрывно связанный с духовным поиском и стремлением к постижению внутренней сущности вещей. В этом контексте блоковские образы Прекрасной Дамы, Софии, Незнакомки и фигура Христа обретают новые интерпретационные

акценты, позволяя арабскому читателю выявлять параллели между русской и ближневосточной культурными парадигмами. Особенно показательно, что «Двенадцать» – одна из наиболее сложных и спорных поэм русской литературы – в арабской традиции воспринимается не как политическая декларация, а как символическая модель пути, разрушения и обновления, что роднит её с философскими и мистическими текстами Востока.

Актуальность Блока в арабском мире обусловлена также тем, что его поэзия предоставляет возможность прочтения исторического опыта в духовном измерении. В странах, переживших масштабные политические преобразования, войны, социальные кризисы, блоковская модель трагического мироощущения, соединённого с надеждой на обновление, становится особенно значимой. Его способность преобразовывать непосредственное историческое событие в метафизическую структуру делает творчество Блока универсальным инструментом осмысления эпохи – качества, высоко ценимого в арабской филологии.

Переводимость поэзии Блока, её эмоциональная выразительность, ритмическая гибкость и богатая символическая структура способствуют её популярности среди студентов и исследователей русской филологии арабских стран. В университетских программах Ирака, Египта, Ливана и Иордании Блок рассматривается как образец синтеза художественного и философского начала, а его творчество используется для формирования компетенций интерпретации сложных поэтических текстов. Таким образом, Блок становится фигурой, через которую происходит освоение русской модернистской традиции в арабском культурном пространстве.

Комплексный анализ арабской рецепции Блока показывает, что поэт воспринимается как медиатор между Востоком и Западом, между рациональной и мистической моделями культуры. Его творчество позволяет выявить точки соприкосновения русской символистской поэтики с ближневосточной традицией духовной лирики, что делает Блока одним из ключевых русских авторов, способствующих расширению межкультурного литературоведения.

Таким образом, можно заключить, что актуальность Александра Блока в арабском мире определяется не только его статусом классика русской литературы, но и тем, что его поэзия остаётся открытой для новых интерпретаций и продолжает обладать потенциалом духовного воздействия. Она способствует культурному взаимопониманию, поддерживает академический интерес к русскому модернизму и формирует прочную основу для дальнейших исследований, направленных на изучение межкультурных связей между Россией и арабскими странами. Творчество Блока, таким образом, выступает значимой точкой пересечения литературных традиций, подтверждая свою непреходящую ценность в глобальном культурном контексте.

Список Литературы

1. Аверин, Б. В. А. Блок и Т. Карлейль / Б. В. Аверин, Н. А. Дождиков // Александр Блок: Материалы и исследования. – Ленинград: Наука, 1987. – С. 89–116.
2. Ахматова, А. А. Бег времени / А. А. Ахматова. – Москва; Ленинград: Советский писатель, 1965. – 478 с.
3. Бахари, Хусейн Али Худайр, Исмаил, Хадиил. Миф и символ в стихах Бадра Шакера ас- Саййаба и Сергея Александровича Есенина / Хусейн Али Худайр Бахари, Хадиил Исмаил // Аль-Адаб. – 2021. – Т. 1, № 136. – С. 13–20. – DOI: <https://doi.org/10.31973/aj.v1i136.1264>.
4. Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. – Москва: Искусство, 1986. – 445 с.
5. Белый, А. Магия слов (1909) [Электронный ресурс] / А. Белый. – Режим доступа: http://az.lib.ru/b/belyj_a/text_13_1909_simvolizm.shtml. – Дата обращения: 05.07.2025.
6. Белый, А. Собрание сочинений: Стихотворения и поэмы / А. Белый; сост., предисл. В. М. Пискунова; коммент. С. И. Пискуновой, В. М. Пискунова. – Москва: Республика, 1994. – 559 с.

7. Бердяев, Н. А. Русский духовный ренессанс начала XX века и журнал «Путь» / Н. А. Бердяев // Н. А. Бердяев о русской философии. – Ч. 2. – Свердловск: Изд-во Уральского университета, 1991. – С. 217–218.
8. Блок, А. А. Собрание сочинений: в 8 т. Т. 3 / А. А. Блок; под общ. ред. В. Н. Орлова и др.; вступ. ст., подгот. текста и примеч. В. Н. Орлова. – Москва; Ленинград: Гослитиздат, 1960. – 472 с.
9. Блок, А. А. Собрание сочинений: в 8 т. Т. 7 / А. А. Блок; под общ. ред. В. Н. Орлова и др.; вступ. ст., подгот. текста и примеч. В. Н. Орлова. – Москва; Ленинград: Гослитиздат, 1962. – 794 с.
10. Блок, А. А. Собрание сочинений: в 8 т. Т. 7 / А. А. Блок; под общ. ред. В. Н. Орлова и др.; вступ. ст., подгот. текста и примеч. В. Н. Орлова. – Москва; Ленинград: Гослитиздат, 1963. – 542 с.
11. Блок, А. А. Полное собрание сочинений: в 20 т. Т. 1: Стихотворения. Книга первая (1898–1904) / А. А. Блок. – Москва: Наука, 1997. – 231 с.
12. Воскресенская, М. А. Серебряный век в социокультурном измерении / М. А. Воскресенская. – Санкт-Петербург: Изд-во СПбГУ, 2020. – 320 с.
13. Воскресенская, М. А. Символизм как мировидение Серебряного века / М. А. Воскресенская. – Москва: Логос, 2005. – 280 с.
14. Габан, М. Х. Концепция времени в рубаятах Омара Хайяма и ее отражение в творчестве русских и советских поэтов / М. Х. Габан // Journal of the College of Languages. – 2025. – Vol. 52. – P. 205–222. – DOI: 10.36586/jcl.2.2025.0.52.0205.
15. Деменкова, Н. П. Античные контексты мифопоэтики А. Блока: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Н. П. Деменкова. – Омск: Омский государственный университет, 2007. – 24 с.
16. Жирмунский, В. М. Вопросы теории литературы: статьи 1916–1926 / В. М. Жирмунский; Гос. ин-т ист. искусств. – Ленинград: Academia, 1928. – 356 с.
17. Жирмунский, В. М. Метафора в поэтике русских символистов / В. М. Жирмунский // Новое литературное обозрение. – 1999. – № 35. – С. 222–249.

18. Зверев, А. М. Блок Александр Александрович (1880–1921) / А. М. Зверев // Литературная энциклопедия русского зарубежья (1918–1940) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_21635643_98442361.pdf. – Дата обращения: 25.03.2025.
19. Иванов, Вяч. И. Собрание сочинений: в 4 т. Т. 2 / Вяч. И. Иванов; под ред. Д. В. Иванова, О. Дешарт; вступ. ст. О. Дешарта. – Брюссель: Foyer Oriental Chrétien, 1974. – 870 с.
20. Исмаил, Х. Серебряный век и новые направления, появившиеся в двадцатом веке / Х. Исмаил // Journal of the College of Languages. – 2021. – Vol. 23. – P. 39–52.
21. Исупов, К. Г. Александр Блок: Путь поэта / К. Г. Исупов // Александр Блок: Исследования и материалы. – Ленинград: Наука, 1991. – С. 4–5. – Режим доступа: <http://lib2.pushkinskijdom.ru/Media/Default/PDF/Blok/Blok-Issledovaniya-1991.pdf>. – Дата обращения: 05.07.2025.
22. Йованович, М. Миф о «вечном возвращении» в разделе «Родина» Александра Блока / М. Йованович // Cahiers du Monde russe et soviétique. – 1984. – Vol. XXV, № 1. – P. 61–88.
23. Крохина, Н. П. Софийность и ее коннотации в русской литературе XIX – начала XX веков: автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Н. П. Крохина. – Шуя: Шуйский государственный педагогический университет, 2011. – 48 с.
24. Мережковский, Д. С. О причинах упадка и новых течениях современной русской литературы / Д. С. Мережковский // Полное собрание сочинений: в 24 т. Т. 18. – Москва: Типография И. Д. Сытина, 1914. – С. 217–218.
25. Руднев, В. П. Словарь культуры XX века / В. П. Руднев. – Москва: Аграф, 1999. – 384 с.
26. Уваров, М. С. Поэтика Петербурга: очерки по философии культуры / М. С. Уваров. – Санкт-Петербург: Изд-во СПбГУ, 2011. – 320 с.
27. Ходасевич, В. Ф. Собрание сочинений: в 4 т. Т. 2: Записная книжка. Статьи о русской поэзии. Литературная критика 1922–1939 / В. Ф. Ходасевич. – Москва: Согласие, 1996. – 578 с.

28. Чуковский, К. И. Современники: Портреты и этюды / К. И. Чуковский. – Москва: Терра-Книжный клуб, 2001. – 512 с. – Режим доступа: <https://www.chukfamily.ru/kornei/prosa/knigi/sovremenniki/aleksandr-blok>. – Дата обращения: 05.07.2025.
29. Эйхенбаум, Б. М. Сквозь литературу: сборник статей / Б. М. Эйхенбаум. – Ленинград: Academia, 1924. – 280 с.

References

1. Akhmatova, A. A. Beg vremeni [The Flow of Time]. Sovetskii pisatel', 1965. 478 p. (In Russ.)
2. Averin, B. V., and N. A. Dozhdikov. "A. Blok i T. Karleil'" ["A. Blok and T. Carlyle"]. Aleksandr Blok: Materialy i issledovaniia [Alexander Blok: Materials and Studies], Nauka, 1987, pp. 89–116. (In Russ.)
3. Bahari, Hussein Ali Khudair, and Hadeel Ismaeel. "Myth and Symbol in the Poems of Badr Shakir as-Sayyab and Sergei Alexandrovich Yesenin". Al-Adab Journal, vol. 1, no. 136, Mar. 2021, pp. 13-20, <https://doi.org/10.31973/aj.v1i136.1264>.
4. Bakhtin, M. M. Estetika slovesnogo tvorchestva [Aesthetics of Verbal Creativity]. Iskusstvo, 1986. 445 p. (In Russ.)
5. Belyi, A. "Magiia slov" ["The Magic of Words"]. 1909, lib.ru, http://az.lib.ru/b/belyj_a/text_13_1909_simvolizm.shtml. Accessed 5 July 2025. (In Russ.)
6. Belyi, A. Sobranie sochinenii: Stikhotvoreniia i poetry [Collected Works: Poems and Poetry]. Compiled by V. M. Piskunova, commentary by S. I. Piskunova and V. M. Piskunova, Respublika, 1994. 559 p. (In Russ.)
7. Berdiaev, N. A. "Russkii dukhovnyi renessans nachala XX veka i zhurnal 'Put'" ["Russian Spiritual Renaissance of the Early 20th Century and the Journal 'Put'"]. N. A. Berdiaev o russkoi filosofii [N. A. Berdiaev on Russian Philosophy], part 2, Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, 1991, pp. 217–218. (In Russ.)

8. Blok, A. A. Polnoe sobranie sochinenii v dvadtsati tomakh. Tom 1: Stikhotvoreniia. Kniga pervaiia (1898–1904) [Complete Works in Twenty Volumes. Volume 1: Poems. Book One (1898–1904)]. Nauka, 1997. 231 p. (In Russ.)
9. Blok, A. A. Sobranie sochinenii v vos'mi tomakh [Collected Works in Eight Volumes]. Edited by V. N. Orlov et al., vol. 3, Goslitizdat, 1960. 472 p. (In Russ.)
10. Blok, A. A. Sobranie sochinenii v vos'mi tomakh [Collected Works in Eight Volumes]. Edited by V. N. Orlov et al., vol. 7, Goslitizdat, 1962. 794 p. (In Russ.)
11. Blok, A. A. Sobranie sochinenii v vos'mi tomakh [Collected Works in Eight Volumes]. Edited by V. N. Orlov et al., vol. 7, Goslitizdat, 1963. 542 p. (In Russ.)
12. Chukovskii, K. I. Sovremenniki: Portrety i etudy [Contemporaries: Portraits and Sketches]. Terra-Knizhnyi klub, 2001. 512 p., www.chukfamily.ru/kornei/prosa/knigi/sovremenniki/aleksandr-blok. Accessed 5 July 2025. (In Russ.)
13. Demenkova, N. P. Antichnye konteksty mifopoetiki A. Bloka: Avtoreferat dissertatsii kandidata filologicheskikh nauk [Ancient Contexts of A. Blok's Mythopoetics: Abstract of Candidate's Dissertation in Philology]. Omskii gosudarstvennyi universitet, 2007. 24 p. (In Russ.)
14. Eikhenbaum, B. M. Skvoz' literaturu: Sbornik statei [Through Literature: Collected Articles]. Academia, 1924. 280 p. (In Russ.)
15. Ghaban, M. Kh. "The Concept of Time in The Rubai' of Omara Khayyam and Its Reflection in the Works of Russian and Soviet Poets." *Journal of the College of Languages*, vol. 52, 2025, pp. 205–222, doi:10.36586/jcl.2.2025.0.52.0205.
16. Ismail, H. "Silver Age and New Directions in the Twentieth Century." *Journal of the College of Languages*, vol. 23, 2021, pp. 39–52.
17. Isupov, K. G. "Aleksandr Blok: Put' poeta" ["Alexander Blok: The Path of the Poet"]. *Aleksandr Blok: Issledovaniia i materialy* [Alexander Blok: Studies and Materials], Nauka, 1991, pp. 4–5,

lib2.pushkinskijdom.ru/Media/Default/PDF/Blok/Blok-Issledovanija-1991.pdf.
Accessed 5 July 2025. (In Russ.)

18. Ivanov, Vyach. I. Sobranie sochinenii v chetyrekh tomakh [Collected Works in Four Volumes]. Edited by D. V. Ivanov and O. Deshart, vol. 2, Foyer Oriental Chrétien, 1974. 870 p.
19. Jovanovich, M. "The Myth of 'Eternal Return' in Alexander Blok's 'Motherland'." Cahiers du Monde russe et soviétique, vol. XXV, no. 1, 1984, pp. 61–88.
20. Khodasevich, V. F. Sobranie sochinenii v chetyrekh tomakh. Tom 2: Zapisnaia knizhka. Stat'i o russkoi poezii. Literaturnaia kritika 1922–1939 [Collected Works in Four Volumes. Volume 2: Notebook. Articles on Russian Poetry. Literary Criticism 1922–1939]. Soglasie, 1996. 578 p. (In Russ.)
21. Krokhina, N. P. Sofinost' i ee konnotatsii v russkoi literature XIX – nachala XX vekov: Avtoreferat dissertatsii doktora filologicheskikh nauk [Sophia and Its Connotations in Russian Literature of the 19th–Early 20th Centuries: Abstract of Doctoral Dissertation in Philology]. Shuiskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet, 2011. 48 p. (In Russ.)
22. Merezhkovskii, D. S. "O prichinakh upadka i novykh techeniakh sovremennoi russkoi literatury" ["On the Causes of Decline and New Trends in Contemporary Russian Literature"]. Polnoe sobranie sochinenii v dvadtsati chetyrekh tomakh [Complete Works in Twenty-Four Volumes], vol. 18, Tipografiia I. D. Sytina, 1914, pp. 217–218. (In Russ.)
23. Rudnev, V. P. Slovar' kul'tury XX veka [Dictionary of 20th Century Culture]. Agraf, 1999. 384 p. (In Russ.)
24. Uvarov, M. S. Poetika Peterburga: Ocherki po filosofii kul'tury [Poetics of Petersburg: Essays on the Philosophy of Culture]. Izdatel'stvo SPbGU, 2011. 320 p. (In Russ.)
25. Voskresenskaia, M. A. Serebrianyi vek v sotsiokul'turnom izmerenii [The Silver Age in a Sociocultural Dimension]. Izdatel'stvo SPbGU, 2020. 320 p. (In Russ.)

26. Voskresenskaia, M. A. Simvolizm kak mirovozzrenie Serebrianogo veka [Symbolism as the Worldview of the Silver Age]. Logos, 2005. 280 p. (In Russ.)
27. Zhirmunskii, V. M. “Metafora v poetike russkikh simbolistov” [“Metaphor in the Poetics of Russian Symbolists”]. Novoe literaturnoe obozrenie [New Literary Review], no. 35, 1999, pp. 222–249. (In Russ.)
28. Zhirmunskii, V. M. Voprosy teorii literatury: Stat’i 1916–1926 [Questions of Literary Theory: Articles 1916–1926]. Gosudarstvennyi institut istorii iskusstv, Academia, 1928. 356 p. (In Russ.)
29. Zverev, A. M. “Blok Aleksandr Aleksandrovich (1880–1921)” [“Blok Alexander Alexandrovich (1880–1921)”]. Literaturnaia entsiklopediia russkogo zarubezh’ia (1918–1940) [Literary Encyclopedia of the Russian Diaspora (1918–1940)], www.elibrary.ru/download/elibrary_21635643_98442361.pdf. Accessed 25 Mar. 2025. (In Russ.)